

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-4-3-39

Д.С. Алексеев*

РОССИЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: КЛЮЧЕВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ, ДЕТЕРМИНАНТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского»
410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83*

Евразийское пространство постепенно всё больше превращается в точку пересечения долгосрочных политических, экономических и других инициатив, реализуемых ведущими субъектами современной мировой политики, включая Российскую Федерацию, Европейский союз, США, КНР. Эта тенденция, которая накладывается на чрезвычайно сложную динамику разнонаправленных процессов интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве, придает региональным международным отношениям, и без того обладающим значительным конфликтным потенциалом, дополнительную остроту и напряженность. Она же ставит перед проектами евразийской интеграции, продвигаемыми Россией, целый ряд новых вызовов. Для того чтобы лучше понять особенности и перспективы реализации этих инициатив, в рамках данной статьи предпринимается попытка проследить историю становления и выявить ключевые элементы российской интеграционной стратегии в Евразии.

Автор приходит к выводу, что фундаментальные принципы российской стратегии структурирования постсоветского пространства были заложены в годы президентства Б.Н. Ельцина и в последующем лишь

---

* Алексеев Денис Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного национального исследовательского университета им. Н.Г. Чернышевского (e-mail: alexeyevds@gmail.com).

корректировались под воздействием ряда политических, экономических и социальных факторов внутри самой России и во внешнем мире. Эти принципы включают: 1) продвижение идеи многополярного мира; 2) укрепление и развитие надгосударственных интеграционных экономических институтов на евразийском пространстве, способствующих росту экономического потенциала стран-участниц; 3) противодействие смене политических режимов в соседних государствах в случае, если они носят антироссийский характер; 4) укрепление восточного вектора политики путем установления более тесных связей с Китаем в сферах экономики, политики и безопасности; 5) формирование в Евразии геополитического центра влияния за счет расширения возможностей региональных военно-политических организаций, которые будут дополнять экономические интеграционные структуры и обеспечивать безопасность в регионе. В статье показано, что в условиях значительного обострения международной обстановки во второй половине 2010-х годов всё больший вес в российских интеграционных проектах стали приобретать стратегические, военно-политические установки.

В этой связи автор заключает, что хотя выбранный курс на углубление экономической интеграции в рамках евразийских институтов в целом позволяет установить широкий спектр горизонтальных и вертикальных экономических связей между странами — партнерами по ЕАЭС, выраженный конкурентный характер стратегий России и государств Запада формирует дополнительный конфликтный потенциал в регионе. При отсутствии альтернативных подходов и видений этот конфликт рискует стать не только источником сложностей для России и Запада, но и ингибитором интеграционных процессов внутри ЕАЭС. Ключом к улучшению региональной политической ситуации, по мнению автора, может стать отход от чрезмерной политизированности или даже «заидеологизированности» евразийской политики как в России, так и на Западе, которая мешает политическим элитам продвигаться по пути поиска компромиссов и принятия альтернативных стратегических векторов в данном регионе.

Ключевые слова: евразийское пространство, внешняя политика России, региональная интеграция, НАТО, Европейский союз, Евразийский экономический союз, ЕАЭС, внешняя политика России, региональная безопасность, постсоветское пространство, теория интеграции, Е.М. Примаков.

Евразийское пространство, традиционно ассоциируемое прежде всего с территорией, охватывающей большинство государств бывшего СССР, в последние годы стало ареной, на которой разворачивается целый ряд сложных политических и экономических процессов. Кроме того, в странах, входящих в этот регион, происходят также

серьезные внутренние трансформации, которые оказывают значительное влияние на международную повестку в области политики и безопасности. Специфику ситуации в регионе придает и тот факт, что здесь одновременно развиваются два разнонаправленных процесса: региональной интеграции и дезинтеграции. Они проходят на фоне столкновения стратегических интересов наиболее крупных региональных и внерегиональных игроков. Можно с уверенностью констатировать, что эти тенденции являются одним из ключевых источников усиливающейся напряженности между Россией и странами Запада, которая, по оценкам наблюдателей, во многом напоминает период «холодной войны» [Legvold, 2014; Rumer, Stent, 2009; Trenin, 2006].

Стратегический выбор России в пользу стимулирования процессов евразийской экономической интеграции с использованием различных существующих и вновь создаваемых региональных институтов нуждается в серьезном осмыслении и анализе, который необходим для понимания пространственных, экономических и социально-политических границ этого проекта в будущем. Кроме того, как показывает практика, евразийская стратегия России вступает в конфликт со стратегиями ЕС, США и НАТО, ориентированными на поддержку либерально-демократических процессов в странах бывшего СССР с упором на укрепление своих институциональных экономических и военно-политических связей с государствами региона. В большинстве случаев усилия коллективного Запада направлены на ограничение влияния России и ослабление ее возможностей в контексте реализации собственной интеграционной стратегии. С высокой долей вероятности эта тенденция будет сохраняться в обозримом будущем.

В этой связи возникает целый ряд исследовательских вопросов, на которые автор попытается ответить в рамках данной работы. Во-первых, как эволюционировал российский интеграционный проект на евразийском пространстве в исторической ретроспективе и какие факторы оказали на него наибольшее влияние? Во-вторых, какие из элементов российской интеграционной стратегии несут в себе конфликтный потенциал для региона, а какие, напротив, стимулируют его экономическое и политическое развитие?

В первой части статьи рассмотрены основные теоретические подходы к проблемам региональной интеграции, а также особенности реализации российского евразийского интеграционного проекта. Второй раздел работы сфокусирован на анализе ключевых составляющих российской стратегии интеграции и эволюции российского

видения интеграционных процессов в Евразии через призму укрепления экономики и безопасности в регионе. В заключительном разделе представлены выводы относительно перспектив успешного развития и реализации российской стратегии в условиях нарастающих противоречий между различными государствами в Евразии.

Евразийские интеграционные проекты России: теоретические аспекты

В политической теории региональная интеграция уже давно воспринимается как объективный и неизбежный процесс, который затрагивает в той или иной степени практически все страны мира. В этом смысле евразийская интеграция является лишь естественным продолжением глобальной тенденции. Большинство ранних (середины XX в.) исследований этой проблемы концентрировались вокруг теорий федерализма, функционализма и неофункционализма [Hettne, Söderbaum, 2008]. Функциональный подход подчеркивает наличие общих целей и интересов среди государств одного региона. Именно для достижения этих целей они объединяются и создают наднациональные институты, призванные решать общие задачи, что справедливо отмечал еще в середине XX в. известный исследователь Дэвид Митрани [Mitrany, 1948]. Позднее эти идеи были дополнены неофункционалистами, которые сформулировали концепцию так называемого эффекта переливания, когда интеграционные процессы в одной сфере неизбежно влекут за собой появление горизонтальных связей в других секторах экономики, социальной жизни и политики [Haas, 1961]. Неолиберальный подход к теории регионализма, предполагающий неизбежность роста взаимозависимости различных регионов мира, также хорошо известен по работам Джозефа Ная [Nye, 1971].

В последние десятилетия наиболее популярной среди исследователей становится теория так называемого нового регионализма, в рамках которой процессы регионализации и глобализации предстают как взаимодействие множества экономических, социально-политических и культурных элементов, включая глобальную стратегию интегрирующихся государств. Всё это в совокупности становится атрибутом современного процесса регионализации [Globalism and the new regionalism, 1999: 21–23; Söderbaum, 2009: 481–482]. Важнейший вклад в теорию регионализма был внесен такими влиятельными исследователями, как Амитав Ачарья и Питер Катценштайн, которые особое внимание уделяли изучению специфики региональной

интеграции в Азии и Латинской Америке, что наиболее важно при анализе так называемой неевропейской интеграционной модели [Acharya, 2001; Katzenstein, 2005]. При рассмотрении аспекта безопасности в рамках процессов евразийской интеграции следует упомянуть уже ставшие классическими теоретические построения представителей копенгагенской школы Оле Уэвера и Барри Бузана, которые впервые ввели в научный оборот понятие регионального комплекса безопасности как важного элемента построения региональной интеграционной модели, в том числе на евразийском пространстве [Buzan, Waever, 2003].

Говоря об основных подходах к оценкам непосредственно евразийской интеграции в отечественной и зарубежной литературе, следует отметить, что за более чем 25-летнюю историю интеграционных процессов в регионе, с момента образования СНГ, появилась масса работ, в которых анализируются те или иные ее аспекты. Продолжается активная дискуссия среди исследователей и экспертов, которые изучают успехи и неудачи евразийских интеграционных процессов, их концептуальную направленность и детали реализации в конкретных областях. На наш взгляд, исследования в этой области можно было бы условно разделить на три большие группы.

К первой следует отнести авторов, считающих, что евразийский интеграционный проект является едва ли не единственным возможным вариантом реорганизации постсоветского пространства. Именно он может и должен стать основой для будущего укрепления политического и экономического влияния стран региона в условиях усиливающейся глобальной конкуренции [Глазьев и др., 2013; Быков, 2011; Густов, Манько, 2007]¹. По мнению этих исследователей, создание устойчивых (в первую очередь экономических) институтов взаимодействия сможет обеспечить достаточный потенциал для встраивания в глобальный рынок и защиты национальных экономик от негативного влияния внешних факторов. Успех или неудача в данном случае будет зависеть от выбора эффективного инструментария для реализации этой интеграционной модели.

---

¹Примаков Е. Мир без России. К чему ведет политическая близорукость? М.: Российская газета, 2009; Примаков Е. Россия в современном мире. Прошлое, настоящее, будущее. М.: Центрполиграф, 2015; Никонов В. Назад к Концерту // Россия в глобальной политике. 2017. № 6. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/nazad-k-konzertu-2/> (дата обращения: 20.02.2020); Караганов С. От поворота на Восток к Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 30.05.2017. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evrazii/> (дата обращения: 20.02.2020).

Вторая группа исследователей настаивают на том, что изоляционистские и антизападные элементы в интеграционном проекте в Евразии, которые применяет Россия в своей стратегии, а также чисто инструменталистский подход к использованию евразийского пространства исключительно для обеспечения собственных национальных интересов являются залогом существенных препятствий для реализации проекта в будущем [Trenin, 2006, 2013; Иноземцев, 2012]². Один из аргументов в рамках этого подхода заключается в том, что подобные действия с высокой долей вероятности могут оттолкнуть от российского интеграционного проекта ряд государств в регионе, которые хотели бы реализовывать многовекторную внешнюю политику.

Наконец, третья группа авторов (преимущественно зарубежных) рассматривают евразийский интеграционный процесс как попытку реализации российского неимперского реваншистского проекта, который призван вернуть стране статус великой державы, утраченный после распада СССР, и утвердить Россию в качестве гегемона в зоне ее традиционного влияния за счет суверенитета остальных участников [Herbst, 2016; Mankoff, 2009; McFaul, Stoner-Weiss, 2008; Legvold, 2014; Sussex, 2015].

Что касается работ, посвященных анализу стратегических подходов России к осуществлению политики в Евразийском регионе, то они делятся на несколько групп. В первую очередь это комплексные исследования, затрагивающие различные аспекты российской стратегии. Они представляют анализ интеллектуальных истоков политики России в регионе, ее организационных компонентов, включая оценку того, как отдельные региональные акторы вписываются в «Большую евразийскую стратегию» Москвы, а также исторический контекст отношений России и Запада, заложивший современный фундамент конфронтации [Putin's grand strategy, 2014; Power, politics, and confrontation in Eurasia, 2015]. В целом ряде работ отечественных и зарубежных исследователей приводится политологический анализ различных аспектов эволюции евразийской стратегии в меняющихся современных исторических условиях, которые подталкивают Россию к смене стратегической парадигмы в Евразии. Работы написаны преимущественно на современном историко-политологическом материале и посвящены процессам, наметившимся

---

² Бордачев Т. Евразия, обреченная на разделенность // Дискуссионный клуб «Валдай». 07.09.2017. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evraziya-obrechennaya-na-razdelyennost/> (дата обращения: 20.02.2020).

в начале XXI в. [Tsygankov, 2012; Чуфрин, 2017]³. Отдельные работы содержат критическое осмысление подходов к формулированию теорий современного «нового» евразийства, в части из них российская стратегия рассматривается как неоимперский геополитический проект [Morozova, 2009; Krickovic, 2014; Kalinin, 2019; Auer, 2015].

Однако в представленной статье предпринимается попытка проанализировать формирование российской стратегии, вписав ее в более широкий исторический контекст становления российской государственности на протяжении последних 30 лет. Акцент делается на преемственности российской политики девяностых и «нулевых», которую часто игнорируют авторы большинства работ по данной проблематике, в то время как именно эти аспекты истории создают важный фундамент для понимания появления и эволюции современной российской евразийской стратегии.

Накопленный исследовательский и документальный материал позволяет провести определенную систематизацию эволюции евразийской интеграционной инициативы с учетом различных подходов к ее анализу. На наш взгляд, интеграционный процесс в Евразийском регионе объективно необходим, поскольку позволяет решить целый ряд экономических задач, стоящих перед государствами постсоветского пространства. Это и повышение эффективности экономического взаимодействия: стимулирование товарообмена, рост мобильности трудовых ресурсов, обеспечение модернизации, смягчение торговых и таможенных барьеров и многое другое. Однако в процессе реализации интеграционной стратегии неизбежно возникает конфликт интересов отдельных субъектов. Не последнюю роль при этом играет внутренняя и международная повестка, которая заставляет участников принимать неоднозначные решения, подрывающие доверие к самому интеграционному процессу. Кроме того, следует помнить, что в реализацию евразийского проекта вовлечены различные ведомства, исполнители, эксперты, у которых подчас полярные взгляды на тактические и стратегические цели его реализации. В этих условиях, как представляется, необходимо сформировать по-настоящему широкий, комплексный инструментарий как политического, так и информационного характера, который позволял бы гибко и оперативно гасить противоречия и конфликты,

---

³ Лукьянов Ф. Ответ в евразийском стиле // Российская газета. 13.08.2018. Доступ: <https://rg.ru/2018/08/13/fedor-lukianov-eaes-mozhet-stat-zametnym-elementom-miroustrojstva.html> (дата обращения: 10.09.2020); Дзермант А. Союзное целеполагание // Россия в глобальной политике. 29.05.2020. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/soyuznoe-czelepolaganie/> (дата обращения: 10.09.2020).

возникающие в ходе воплощения в жизнь стратегических интеграционных инициатив. Такой подход потенциально мог бы помочь избежать роста центробежных тенденций в регионе, а также снизить уровень критики в адрес конечных целей, заявляемых участниками евразийского интеграционного процесса. Более того, он может в конечном счете ослабить и растущее напряжение в отношениях между Западом и Россией в контексте реализации ее интеграционной стратегии на постсоветском пространстве.

Российская интеграционная стратегия в Евразии: история становления и ключевые элементы

В своем развитии российская интеграционная стратегия в Евразии прошла целый ряд эволюционных этапов, прежде чем достигла своего современного уровня. Формирование новой российской политической элиты после распада СССР и приход так называемых молодых реформаторов в команду Бориса Ельцина привели к выработке первых концептуальных документов, таких как «Российская стратегия в переходный период», известная также как «Меморандум Бурбулиса», и подготовленные Е. Гайдаром «Ближайшие экономические перспективы России». По их оценкам, Россия в силу целого ряда причин неизбежно сохранит свое центральное экономическое положение на постсоветском пространстве, а соседние государства, несмотря на суверенный статус, продолжают испытывать заметную экономическую зависимость от российской экономики [Мороз, 2013: 535]⁴.

Таким образом, создание экономического измерения СНГ воспринималось не столько как форма «цивилизованного развода», сколько как возможность укрепить центральное положение России на постсоветском пространстве при снятии значительного количества взаимных обязательств между центром и союзными республиками, существовавших в СССР [подробнее см.: Алексеев, 2018]. За идеями Г. Бурбулиса и Е. Гайдара стояла определенная логика. После распада Союза в России было сконцентрировано 93% всего его экономического потенциала⁵. К моменту подписания Беловежских соглашений только две республики — РСФСР и Туркменистан —

---

⁴ Бурбулис Г. Клуб «Свободное слово», заседание 17 февраля 1995 г.: «Чем Россия лучше СССР: можно ли обмануть историю?». Стенографический отчет. С. 7–8, 13 // Горбачев-фонд. Доступ: https://www.gorby.ru/userfiles/file/iz_vospominaniy_gburb.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

⁵ История новой России. Очерки. Интервью / Под ред. П. Филиппова. СПб.: Норма Пресс, 2011. С. 33.

имели положительный платежный баланс⁶. В этих условиях создание СНГ приобретало дополнительную привлекательность для России, позволяя избавиться от обременительных обязательств, но сохранить существенные рычаги влияния. Однако на деле эти стратегические построения оказались ошибочными, поскольку не учитывали необходимости структурной перестройки экономики самой России, а также всех бывших республик СССР. Такая перестройка неизбежно сопровождалась тяжелыми экономическими последствиями и кризисами.

Новые независимые государства столкнулись с массой сложностей экономического и политического характера, что делало возможное экономическое сотрудничество в рамках СНГ крайне проблематичным. Попытки активизировать экономические контакты путем создания механизмов дополнительного взаимодействия между странами СНГ в виде соглашений об экономическом союзе (1993) и зоне свободной торговли (1994) не дали существенных результатов. По данным Всемирного банка, в период с 1992 по 2002 г. взаимная торговля между странами СНГ сократилась с 28,5 до 18,6%, а общая доля СНГ в мировой торговле упала с 2,5 до 1,6%⁷. Существовавшие на тот момент институты не имели четкой общей структуры, наднациональной юрисдикции и не обладали обязывающими юридическими инструментами [Винокуров, 2017].

В то же время предпринимались активные шаги по улучшению ситуации. Так, были подписаны соглашения о расширенном экономическом сотрудничестве в экономической и гуманитарной сферах между Россией, Белоруссией, Казахстаном и Киргизией (1996). К этим же шагам можно отнести попытки создания Таможенного союза, Общего экономического пространства (1999) и даже образование Союзного государства России и Белоруссии (1998). Однако эти усилия слабо продвинули евразийское пространство к развитию экономического взаимодействия. Другими словами, начальный период функционирования СНГ показал, что в его рамках будет весьма непросто создать действенный интеграционный механизм. Напротив, внутренние экономические и политические проблемы, такие как борьба за перераспределение власти внутри стран СНГ, сепаратизм и этнические конфликты, адаптация государственных

---

⁶ Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006.

⁷ World development indicators 2003 // World Bank. 2003. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/973231468331252903/World-development-indicators-2003> (accessed: 20.02.2020).

институтов к новым условиям политического существования, привели к тому, что в повестке дня государств региона доминировали национальные вопросы, а не развитие интеграционного потенциала.

Тем не менее именно эти неудачи постепенно приводят ряд государств, включая Россию, к идее трансформации стратегических подходов к проблеме евразийской интеграции и пересмотру изначальных посылок, лежавших в логике политических процессов в регионе. В частности, казахстанский президент в 1994 г. предложил идею создания Евразийского союза, который имел бы в своей основе новые подходы к вопросам региональной интеграции. В конечном счете именно Н.А. Назарбаеву принадлежит первый детальный проект итоговой формы регионального объединения с использованием преимуществ, которыми располагали страны региона в условиях глобальной экономики⁸.

Трудно предположить, как развивалась бы озвученная евразийская идея, если бы ее появление не совпало с процессом серьезной политической трансформации в самой России. В первую очередь речь идет об усилении группы так называемых государственников во главе с Е.М. Примаковым, которые выступали за пересмотр внешнеполитических приоритетов. В целом идеи построения многополярного мира наряду с превращением России в один из центров влияния в постбиполярной системе международных отношений постепенно приобретали всё большую популярность в российской политической и академической среде⁹. Усиление нового вектора в российском политическом спектре во многом было связано с накопившимися разногласиями между Москвой и западными столицами. Как заявлял Б.Н. Ельцин в одном из своих выступлений, «Запад искусственно провоцирует разногласия между Россией и странами СНГ»¹⁰.

Безусловно, первоначально усиление связей в Евразии рассматривалось Россией как возможность укрепления собственных позиций в мире. Именно в 1998–2000 гг. внутри российского политического истеблишмента начал вырабатываться консенсус относительно политики в отношении соседних стран на постсоветском пространстве. Ранее было обычным явлением, что Минобороны, МИД, Администрация Президента РФ и даже крупные корпорации имели свои

---

⁸ Назарбаев Н.А. Евразийский союз. Идеи, практика, перспективы. М.: Фонд содействия развитию, 1997.

⁹ Примаков Е. Мир без России...

¹⁰ Ельцин Б.Н. Выступление на встрече с сотрудниками СВР // Российская газета. 29.04.1994.

взгляды на то, как должны строиться отношения с ближайшими соседями [Kaluzhnova, Lynch, 2000]. Несмотря на сложные экономические условия и отсутствие заметной динамики в интеграционных процессах на пространстве СНГ, конец 1990-х годов стал одним из важнейших этапов в пересмотре российской стратегии в Евразии. Именно этим можно объяснить принятие в 2000 г. целого ряда концептуальных документов, регламентирующих российскую внешнеполитическую доктрину в части политики и безопасности с существенным смещением акцентов в пользу постсоветского пространства [Истомин, 2018]. В частности, произошла секьюритизация российских интересов в регионе, и ослабление интеграционных процессов в рамках СНГ начало рассматриваться как прямая угроза национальной безопасности России¹¹.

Фактически можно констатировать, что при правительстве Е.М. Примакова оформился один из главных стратегических ориентиров российской внешней политики: получение Москвой статуса самостоятельного центра силы в многополярном мире, в том числе за счет укрепления интеграционных процессов на евразийском пространстве. Во многом этот стратегический императив сохраняется и в настоящее время. Важно отметить, что в представлениях Е.М. Примакова достижение статуса самостоятельного центра силы не следует упрощать до стремления приобрести статус супердержавы за счет интересов и суверенитета соседних государств и в угоду удовлетворению личных амбиций представителей российской элиты или исторического коллективного сознания российского общества, как полагают целый ряд исследователей на Западе [см., например: Herbst, 2016; Rumer, 2019]. Основная цель была связана с формированием сбалансированного многополярного мира, который оформил бы новый устойчивый миропорядок, пришедший на смену биполярному противостоянию¹². Мы допускаем, что позднее «доктрина Примакова» претерпела ряд существенных корректив, в первую очередь в связи со сменой действующих лиц в российской политике. Однако остался ее изначальный вектор, который был направлен на формирование новой многополярности в XXI в.

Этим были обусловлены активные усилия российской дипломатии в 2000–2003 гг., воплотившиеся в подписании в октябре 2000 г.

---

¹¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2000) // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14927> (дата обращения: 20.02.2020).

¹² Примаков Е. Мир без России...

Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и Соглашения о формировании Единого экономического пространства в 2003 г. Всё это было призвано интенсифицировать экономические связи с соседними государствами в рамках предложенной Е.М. Примаковым доктрины «разноскоростной и разноуровневой» интеграции на постсоветском пространстве и выделения так называемого интеграционного ядра из России, Белоруссии и Казахстана.

Кроме того, в конце 1990-х — начале 2000-х годов Россия в значительной степени пересмотрела свою позицию по вопросам участия в урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве, начав играть более заметную роль в этом процессе. Активно предлагались проекты по урегулированию приднестровского конфликта путем федерализации Молдавии, что в конечном счете привело к выработке совместного документа, парафированного президентами Молдавии и Приднестровья («план Козака», 2003), но так и не подписанного в окончательной редакции¹³. Прилагались активные усилия по разрешению конфликтом между Грузией, Абхазией и Южной Осетией (согласование «плана Бодена» на различных уровнях), а также в Нагорном Карабахе. Однако, несмотря на активизацию российской политики по решению наиболее болезненных проблем региона и отдельные подвижки в вопросах дезэскалации, значительных результатов добиться не удалось [Майоров, 2007: 46–78].

Ряд исследователей утверждают, что одной из причин отсутствия прогресса было стремление России усилить инструментарий своего регионального влияния за счет проекции силы в качестве медиатора в сохраняющихся конфликтах, а также использовать свой военный и политический потенциал как рычаг давления на соседние государства, вовлеченные в территориальные и этнические споры [Ваев, 2003]. Таким образом, роль России оценивается в данном контексте весьма неоднозначно. С одной стороны, отмечается, что она способствовала прекращению открытой фазы противостояний, с другой стороны, подчеркивается, что одновременно она получала возможность укрепить свое влияние за счет присутствия российских военных баз и миротворческих контингентов в зонах замороженных конфликтов, оказывая серьезное воздействие на динамику процессов безопасности в Евразии [Lynch, 2001].

---

¹³ См.: Меморандум об основных принципах государственного устройства объединенного государства (2003) // ИА REGNUM. Доступ: <https://regnum.ru/news/polit/458547.html> (дата обращения: 20.02.2020).

Параллельно с интенсификацией участия в урегулировании замороженных конфликтов усиливалась активность России, направленная на укрепление институтов безопасности на постсоветском пространстве. В частности, 14 мая 2002 г. в рамках официальной встречи глав государств, подписавших Договор о коллективной безопасности, было принято решение о создании на его основе Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Документ вступил в силу в сентябре 2003 г., оформив тем самым институциональную основу координации политики стран-участниц в вопросах обеспечения безопасности в регионе. Всё это символизировало вывод повестки безопасности на более высокий уровень в связи с общим возрастанием угроз в регионе.

Следует также особо отметить, что значительную роль в оформлении стратегии России на постсоветском пространстве сыграли трансформации во внутренней и внешней политике ряда соседних стран в результате «цветных революций», произошедших одна за другой в течение 2003, 2004, 2005 и 2009 гг. в Грузии, Украине, Киргизии и Молдавии соответственно. Всерьез обсуждались перспективы разворачивания аналогичных процессов в других странах Центральной Азии и Южного Кавказа [Лузянин, 2005]. По убеждению влиятельной части российского политического истеблишмента, значительную роль в этом процессе сыграли страны Запада, особенно США. Как заявил в одном из своих выступлений глава ФСБ России Н. Патрушев, «...“цветные революции” — это уже традиционный инструмент политики отдельных стран, нацеленной на разрушение государственности и утрату суверенитета под предлогом демократизации. <...> На самом же деле страна, где совершается “цветная революция”, почти всегда погружается в хаос и переходит под внешнее управление»¹⁴.

Подобные оценки вскоре стали весьма распространенными в российском массовом сознании. Однако и в настоящее время в российской академической и экспертной среде не утихают споры на эту тему [Соловей, 2011; Батюк, 2006]. В частности, остается весьма дискуссионным вопрос о том, в какой степени смена политического курса и власти в странах победивших «цветных революций» была обусловлена внутренними общественно-политическими процессами или внешней поддержкой и одобрением со стороны государств Запада. По мнению автора, в подавляющем большинстве случаев

---

¹⁴ Патрушев: попытки «цветных революций» в России бесперспективны // ТАСС. 18.05.2017. Доступ: <https://tass.ru/politika/4262976> (дата обращения: 20.02.2020).

революционные события скорее подталкивались внутривнутриполитическими тенденциями, а не были инспирированы извне. Так, согласно опубликованной в газете *Le Figaro* «Карпатской декларации», подписанной президентами В. Ющенко и М. Саакашвили в январе 2005 г., революционные преобразования обозначались как «осуществленные вопреки внешнему вмешательству» и как «новая волна свободы в Европе»¹⁵. Более того, в заявлениях М. Саакашвили вскоре после прихода к власти звучали позитивные ноты в отношении России и лично В. Путина¹⁶. Напомним, свой первый зарубежный визит М. Саакашвили совершил именно в Москву. К тому же спустя несколько месяцев после победы «оранжевой революции», по опросам украинского Института социологии НАНУ, в 2005 г. 54% украинских граждан позитивно оценивали перспективу союза с Россией и Белоруссией, а число противников вступления в НАТО в 2006 г. достигло 61%¹⁷.

Однако, несмотря на это, в силу целого ряда причин трансформация политических процессов в Грузии и Украине сопровождалась постепенной внешнеполитической переориентацией элит в пользу более тесного взаимодействия со странами ЕС и НАТО. Постепенно обострялись и геополитические вопросы, связанные с усилиями грузинского руководства по реинтеграции Абхазии и Южной Осетии, которые изменили бы региональный *status quo* (впоследствии переросшие в трагические события 2008 г.), и с активизацией с 2006 г. деятельности организации ГУАМ¹⁸ [Мацаберидзе, 2005: 14].

Эти тенденции стали восприниматься Москвой как сигнал к более активным действиям на постсоветском пространстве. Расширение влияния стран Запада, в первую очередь США, в Евразии Россия рассматривала как подрыв своих стратегических позиций в регионе и угрозу национальным интересам. Данная мотивация постепенно стала одной из важных составных частей российской интеграционной стратегии в Евразии, которая направлена на противодействие

---

¹⁵ Карпатская декларация М. Саакашвили и В. Ющенко // ИноСМИ. 13.01.2005. Доступ: <https://inosmi.ru/world/20050113/216259.html> (дата обращения: 10.09.2020).

¹⁶ Симонян Ю., Гордиенко А. Саакашвили произнес программную речь в МГИМО // Независимая газета. 11.02.2004. Доступ: https://www.ng.ru/cis/2004-02-11/5_saakashvili.html (дата обращения: 20.02.2020).

¹⁷ Панина Н. Демократизация в Украине и «оранжевая революция» в зеркале общественного мнения // Зеркало недели. 20.05.2006.

¹⁸ ГУАМ (Организация за демократию и экономическое развитие) — международная региональная организация, в состав которой входят Азербайджан, Грузия, Молдавия и Украина.

чрезмерной активности Запада в регионе. Отчасти это объясняет стремление России к укреплению солидарности в рамках ОДКБ. Так, В. Путин в одном из своих интервью прямо заявил, что Россия будет поддерживать своих партнеров по ОДКБ в борьбе с недопущением разного рода дестабилизирующих событий (революционной смены режимов. — Д.А.) в будущем¹⁹. При этом ряд зарубежных комментаторов и исследователей склонны полагать, что России будет сложно эффективно бороться с «цветными революциями» на постсоветском пространстве²⁰. В частности, этот тезис отстаивает научный сотрудник Центра Дэвиса в Гарвардском университете Дмитрий Горенбург [Gorenburg, 2014].

Таким образом, на наш взгляд, противодействие активному вмешательству внерегиональных игроков в политические и экономические процессы на постсоветском пространстве, которое Москва считает сферой своих жизненных интересов, можно обозначить как второй базовый элемент российской стратегии. На этой основе сформировалось представление о ряде «красных линий», которые Россия не позволит пересекать. Прежде всего, речь идет об усилении влияния НАТО в республиках бывшего СССР, в первую очередь в Грузии и Украине. Однако «красные линии» в данном случае следует интерпретировать не как границы сферы влияния в понимании *realpolitik* времен рубежа XIX–XX вв., а, как отмечает Дмитрий Тренин, как область российских внешнеполитических интересов, которые, в отличие от аморфной «сферы влияния», гораздо понятнее артикулированы и имеют четкие формы и рамки [Trenin, 2009]. Именно представления о внешнеполитических интересах формируют определенные разделительные линии между Востоком и Западом и мало способствуют межрегиональному политическому и гуманитарному взаимодействию в процессе реализации евразийской стратегии России.

Так, В.В. Путин, отвечая на вопросы журналистов на Санкт-Петербургском международном экономическом форуме в мае 2018 г., отметил: «...у нас возникло подозрение, что завтра Украину тоже туда включают [в НАТО. — Д.А.] и там еще поставят какие-нибудь радары и системы противоракетной обороны. <...> Есть какие-то границы, понимаете, “красную черту” нельзя переходить. Давай-

---

¹⁹ Из интервью В.В. Путина телеканалу «Мир» // МТРК «Мир». 13.04.2017. Доступ: <http://www.mirtv.ru/video/62850/> (дата обращения: 20.02.2020).

²⁰ Myers N.J. Russia still cannot combat color revolutions // The National Interest. 18.02.2019. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/russia-still-cannot-combat-color-revolutions-44632> (accessed: 20.02.2020).

те тоже с уважением относиться к нашим интересам»²¹. Как мы видим, в представлении современного российского политического истеблишмента эти «красные линии» имеют прежде всего военно-политическое измерение. Таким образом, «цветные революции» в политическом дискурсе современной России напрямую увязываются с угрозами российской национальной безопасности. Можно спорить, насколько данная позиция обоснованна и насколько реален источник угроз для безопасности России. Однако именно ею объясняется столь резкая и болезненная реакция на подобного рода события, происходящие в непосредственной близости к российским границам.

Третьим и наиболее важным элементом российской евразийской стратегии является укрепление регионального экономического потенциала через создание надгосударственных регулирующих институтов. Именно с этим направлением связаны поступательные шаги по реализации проекта евразийской экономической интеграции на более фундаментальном институциональном уровне. Этот процесс имеет длительную историю, начиная с принятого на саммите ЕврАзЭС в 2006 г. решения о создании Таможенного союза. В дальнейшем, с 2007 по 2009 г., были подготовлены юридические и экономические документы, оформившие контуры будущих надгосударственных институтов, включая договоренности о создании Единого экономического пространства между Россией, Беларуссией и Казахстаном. Это позволило начать полноценно функционировать официально заработавшему с 1 января 2010 г. Таможенному союзу между данными тремя государствами.

На наш взгляд, одним из решающих факторов, сработавших в пользу усиления региональных экономических связей, стал мировой экономический кризис 2008 г. Именно его последствия привели к тому, что значительная часть государств вынуждены были воспользоваться региональными возможностями для обеспечения своей экономической безопасности. Особенно актуально это стало применительно к Евразийскому региону в условиях серьезнейших проблем в экономике США и кризиса в еврозоне, связанного с платежным балансом в Греции, Испании и Португалии [подробнее см.: Алексеев, 2018]. В ситуации глобальной нестабильности объединенные экономики стран региона с общим рынком около 200 млн человек приобрели бы дополнительную устойчивость к внешним

---

²¹ Путин призвал Запад не переходить «красную черту» в отношениях с Россией // РБК. 26.05.2018. Доступ: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b08739e9a7947339498aedf> (дата обращения: 20.02.2020).

шокам из-за сокращения глобальных инвестиций, удорожания заемных средств и закрытия рынков.

Таким образом, главным драйвером укрепления евразийских интеграционных связей стало желание сформировать механизмы взаимодействия между экономиками государств на постсоветском пространстве для более эффективно их встраивания в глобальную экономику, а не попытка возрождения (в той или иной форме) СССР. Начавшее функционировать 1 января 2012 г. Единое экономическое пространство, где все регулирующие функции были переданы вновь созданной Евразийской экономической комиссии с широкими надгосударственными полномочиями по координации горизонтальных связей, стало прологом к учреждению полноценного Евразийского экономического союза (ЕАЭС) (2015), который окончательно юридически оформил экономические интеграционные процессы в регионе.

Безусловно, функционирование ЕАЭС до сих пор сопряжено с целым рядом сложностей как экономического, так и политического характера. По многим вопросам у стран-участниц возникают существенные расхождения и разногласия. В частности, нет единой позиции относительно стратегии евразийской интеграции на 2020–2025 гг. Президент Казахстана в своем выступлении на заседании Высшего Евразийского экономического совета 19 мая 2020 г. заявил о нецелесообразности неэкономических элементов в содержании стратегии. По его словам, ряд направлений по унификации законодательства стран ЕАЭС «не отвечает принципу разумной достаточности», что может вести к «отторжению национальным общественным мнением»²². Белоруссия и Армения в свою очередь не принимают предложенную в проекте документа общую формулу стран ЕАЭС по формированию газовых тарифов²³.

Однако в связи с тем, что число участников ЕАЭС за последние пять лет увеличилось и составляет теперь пять государств региона (плюс Молдавия в качестве наблюдателя), ведутся интенсивные переговоры с Узбекистаном, которые имеют большие шансы на успех, а также активно развиваются зоны свободной торговли между ЕАЭС и целым рядом соседних стран, можно заключить, что интеграционные процессы приобрели необратимый характер и будут только углубляться [Цыплин, 2014]. Можно также с уверенностью

---

²² Стенограмма заседания Высшего Евразийского экономического совета 19 мая 2020 года // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/63367> (дата обращения: 10.09.2020).

²³ Едовина Т. ЕАЭС сошелся на противоречиях // Коммерсантъ. 20.05.2020. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/4349312> (дата обращения: 10.09.2020).

утверждать, что данное направление останется приоритетным в российской евразийской стратегии на долгие годы вперед. По словам Д. Тренина, поворот к Евразии можно расценивать не просто как перенос внешнеполитических приоритетов с Запада на Восток, а как «поворот России к себе самой — в поиске точки равновесия в быстро меняющейся глобальной среде»²⁴.

Четвертым элементом евразийской стратегии России можно назвать создание восточного измерения евразийской интеграции, направленного на установление более тесных политических и экономических связей с Китаем. Следует отметить, что активизация китайского направления во внешней политике России также во многом связана с именем Е.М. Примакова и его видением многополярного мира и реализации многовекторной внешней политики Москвы. Первые серьезные шаги в укреплении двусторонних отношений были сделаны как раз после того, как Е.М. Примаков возглавил МИД. Дальнейшее углубление связей стало возможным в контексте взаимодействия «Шанхайской пятерки» в составе Казахстана, Киргизии, Китая, России и Таджикистана. Позднее к ним присоединился Узбекистан.

Расширение общей повестки дня подвело государства к необходимости создания на этой основе новой организации — Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). К этому их подталкивало и появление целого ряда общих вызовов и проблем, лежащих в сфере региональной безопасности, таких как терроризм, радикальный экстремизм, трансграничная преступность, угрозы внутривнутриполитических потрясений и т.д.

Сами страны-участницы всячески подчеркивали, что ШОС не является военно-политическим альянсом, направленным против третьих стран, а занимается исключительно укреплением безопасности и экономическим развитием в своем регионе, однако следует отметить определенные расхождения в их подходах.

Так, по утверждению директора института международных отношений Пекинского педагогического университета Ли Сина, стратегические подходы Москвы и Пекина к ШОС несколько различаются. Для России организация имеет в большей степени политическое и стратегическое значение, позволяя укреплять свое международное положение и безопасность через двусторонние отношения с Китаем,

---

²⁴Тренин Д. 20 лет Владимира Путина: трансформация внешней политики // Ведомости. 13.08.2019. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/08/14/808755-20-let-putina> (дата обращения: 20.02.2020).

сохранять присутствие в Центральной Азии, не позволяя усиливаться там таким игрокам, как НАТО, ЕС и США, и лишь во вторую очередь дает России возможности расширенного экономического взаимодействия с КНР. Для Пекина же ШОС скорее является окном возможностей для наращивания своего экономического присутствия в Центральной Азии и важной площадкой для продвижения собственных глобальных экономических проектов [Ли Син, 2017].

Тем не менее большинство экспертов полагают, что ШОС остается важнейшей платформой российско-китайского консенсуса, а также может предложить целый ряд направлений для дальнейшего укрепления регионального сотрудничества как в рамках инициативы «Один пояс, один путь», так и в новом проекте «Большого евразийского партнерства» [Ефременко, 2019; Лузянин, Клименко, 2019]. Другими словами, потенциал, заложенный в ШОС, придает евразийской стратегии Москвы полноценное юго-восточное измерение и должен рассматриваться как ее неотъемлемая составляющая.

Наконец, пятый элемент российской интеграционной стратегии в Евразии носит выраженный геополитический характер и направлен прежде всего на сдерживание усиливающейся активности НАТО и ЕС в данном регионе. На этом сюжете представляется необходимым остановиться отдельно.

Евразийский регион: логика геополитических конфликтов

События 2008 г. в Грузии и особенно 2014 г. в Украине и в Крыму произвели некоторую корректировку в стратегических устремлениях НАТО, выдвинув на первый план проблемы традиционной военной обороны от внешних угроз и сдерживания России. Не в последнюю очередь с этим связаны появление программы создания системы противоракетной обороны (ПРО) в Восточной Европе (European Phased Adaptive Approach, ЕРАА), упор на подготовку сил быстрого реагирования и изменения в характере военных учений, которые проводит НАТО в последние годы. Согласно принятому в 2014 г. плану повышения боеготовности (Readiness Action Plan) альянс будет принимать меры по наращиванию боевого потенциала сил быстрого реагирования для усиления оборонного и сдерживающего потенциала стран — членов блока.

Особенно примечательны в этом отношении учения «Единый трезубец» (Trident Juncture), стартовавшие в 2015 г. и повторенные в 2018 г., в которых приняли участие рекордное количество военнослужащих (порядка 50 000) и в ходе которых впервые после окончания

«холодной войны» отрабатывалась массовая переброска войск на удаленный театр военных действий²⁵. Аналогичные учения с переброской большого количества военнослужащих пройдут и в 2020 г. В ноябре 2019 г., накануне юбилейного саммита, посвященного 70-летию НАТО, альянс опубликовал стратегию военной адаптации к будущим многосторонним вызовам безопасности, где делается акцент на усилении присутствия в регионе Восточной Европы в непосредственной близости к российским границам²⁶. Юбилейная встреча лидеров стран НАТО, прошедшая в Лондоне в 2019 г., продемонстрировала ряд противоречий среди союзников относительно видения будущего альянса, однако они были солидарны по поводу сохраняющейся угрозы со стороны России²⁷.

Таким образом, стратегия НАТО в ее современном виде помимо политики открытых дверей и готовности осуществлять миссии за пределами зоны своей ответственности включает серьезный акцент на силовом сдерживании России. Это делает возможность долгосрочного стратегического противостояния в Евразии объективной реальностью и формирует постоянную напряженность в отношениях между Москвой и столицами стран — членов НАТО. В таких условиях говорить о поиске компромисса становится весьма проблематично.

Что же касается Европейского союза, то первоначально налаживание связей между Брюсселем и бывшими советскими республиками в рамках Европейской политики соседства (ЕПС) не вызывало серьезной озабоченности в Москве по целому ряду причин. Во-первых, постсоветское пространство не выделялось европейской дипломатией в качестве особой зоны, где реализовывались отдельные стратегические проекты ЕС, а скорее было частью обновленного внешнеполитического курса Евросоюза. Во-вторых, ЕПС на первом этапе не была наполнена выраженным политическим смыслом, направленным на углубленное сотрудничество с ЕС, хотя содержательно взаимодействие с ЕС предполагало широкий перечень экономических и политических реформ в странах-партнерах

---

²⁵ Masters J. NATO's Trident Juncture exercise. What to know // Council on Foreign Affairs. 23.10.2018. Available at: <https://www.cfr.org/in-brief/natos-trident-juncture-exercises-what-know> (accessed: 20.02.2020).

²⁶ NATO: Ready for the future. Adapting the Alliance (2018–2019) // NATO. 2019. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2019_11/20191129_191129-adaptation_2018_2019_en.pdf (accessed: 05.03.2020).

²⁷ London NATO Summit Declaration // NATO. 04.12.2019. Available at https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_171584.htm (accessed: 05.02.2020).

в целях гармонизации их законодательства с Европейским союзом [Юн, 2013]. Однако «цветные революции» в Грузии и Украине сделали европейский вектор в политике этих стран существенно более акцентированным, что, как было указано ранее, весьма настороженно восприняли в Москве. Кроме того, реализация ЕПС во второй половине 2000-х годов дала относительно заметные результаты, что подтолкнуло ряд бывших советских республик к «европейскому выбору» в ущерб сотрудничеству с Россией и интеграционными структурами на постсоветском пространстве. Это в свою очередь наметило дальнейшую эскалацию столкновений разнонаправленных стратегий России и ЕС в Евразии [Агафонов, 2015].

Поворотным пунктом в трансформации стратегии ЕС в Евразийском регионе можно считать конфликт в Грузии 2008 г. и газовое противостояние России и Украины в том же году, которые подтолкнули Брюссель к пересмотру основных направлений взаимодействия с рядом государств в соответствии с обновленной политикой Восточного партнерства, принятой по инициативе Польши и Швеции. В широком смысле Восточное партнерство стало региональным воплощением общеевропейских подходов к выстраиванию отношений с целым рядом стран бывшего СССР, которые начали осуществлять более системные меры трансформации и реформирования своих политических и экономических институтов в соответствии с европейскими нормами²⁸.

Содержательно Восточное партнерство существенно отличалось от ЕПС, предусматривая гораздо более глубокие и системные механизмы взаимодействия. Новая стратегия подразумевала структурные реформы государственного управления, принятие антикоррупционного законодательства, реализацию масштабных проектов по развитию гражданского общества и независимых СМИ, многостороннюю экономическую интеграцию с Евросоюзом, выразившуюся в подписании соглашения об ассоциации и создании зон свободной торговли, которое регулировало бы широкий спектр торгово-экономических связей. Кроме того, устанавливался более тесный формат сотрудничества в области энергетики и транспортировки энергоресурсов, а также при проведении ряда внутривосточных реформ. Программа Восточного партнерства предусматривала введение безвизового режима со странами ЕС в рамках принятого Евросоюзом

---

²⁸ Подробнее см.: The Eastern Partnership // European Commission. Available at: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/neighbourhood/eastern-partnership_en (accessed: 20.03.2020).

«Механизма по снятию визового режима» (Visa suspension mechanism) для ряда государств при условии реформирования их национального законодательства, принятия мер по борьбе с отмыванием денег и организованной преступностью, укрепления контроля за национальными границами и использования системы биометрических паспортов²⁹. Всё это, по мнению российской стороны, вело к тому, что страны — участницы проекта постепенно выводились из экономического, политического и энергетического интеграционных проектов, которые активно продвигались Москвой на протяжении длительного времени. Иными словами, Евросоюз всерьез заявил о своей субъектности в политических и экономических процессах в Евразии, и эта субъектность фактически стала противопоставлением ЕС доминирующей роли Москвы на постсоветском пространстве [Cadier, 2014]³⁰. Всё это не могло не вызвать откровенно негативную реакцию в России.

Более того, как справедливо отмечают ряд российских экспертов, взаимодействие со странами Восточного партнерства ЕС изначально выстраивал с позиции своей «нормативной гегемонии», т.е. с заведомой целью продвинуть европейские нормативные практики государственного, экономического и политического регулирования как безальтернативные, что опять-таки воспринималось в Москве как открытый вызов [Gretskiy et al., 2014]. В сочетании с прошедшими «цветными революциями», нежеланием ЕС вести консультации с Россией по вопросам реализации политики Восточного партнерства проекты Брюсселя и Москвы для Евразии не могли развиваться по сценарию параллельного существования и вступили в фазу стратегического конфликта. С этого момента, по словам известного российского исследователя А.А. Язьковой, данная проблема перешла из плоскости политического диалога в формат геополитического противостояния [Восточное партнерство до и после Вильнюса, 2014: 10].

Указанные обстоятельства привели к усилению роли и веса геополитических соображений в продвигаемых Россией интеграционных проектах на пространстве Евразии, зачастую — в ущерб

---

²⁹ Report from the Commission to the European Parliament and the Council. First Report under the Visa Suspension Mechanism // European Commission. 20.12.2017. Available at: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-is-new/news/20171220_first_report_under_suspension_mechanism_en.pdf (accessed: 10.09.2020).

³⁰ Park J. The European Union's Eastern Partnership // Council on Foreign Relations. 13.03.2014. Available at: <https://www.cfr.org/backgrounder/european-unions-eastern-partnership> (accessed: 20.03.2020).

экономическим мотивам. Именно геополитические аспекты евразийской интеграции придают этому процессу противоречивый характер. Этот акцент и формирует новые разделительные линии не только между Россией и Западом, но и между государствами бывшего СССР, поскольку они имеют различные представления о своих внешнеполитических целях, которые очень часто не совпадают с подходами Кремля.

Таким образом, российская стратегия в Евразии, как нам представляется, состоит из пяти основных компонентов: продвижение идеи многополярного мира; укрепление и развитие надгосударственных интеграционных экономических институтов на евразийском пространстве, способствующих росту экономического потенциала стран-участниц; противодействие смене политических режимов в соседних государствах в том случае, если они будут носить антироссийский характер; укрепление восточного вектора внешней политики путем установления более тесных связей с Китаем в сферах экономики, политики и безопасности; формирование в Евразии геополитического центра влияния за счет расширения возможностей региональных военно-политических организаций, которые будут дополнять экономические интеграционные структуры и обеспечивать безопасность в регионе. Каждый из элементов этой стратегии в той или иной степени связан с остальными, обусловлен процессами эволюции российской государственности за последние три десятилетия после распада СССР и представляет собой комплексную программу, реализовывать которую намерено нынешнее политическое руководство России. Поскольку отдельные элементы указанной стратегии формировались в разные исторические периоды, их эффективное сочетание требует серьезного внимания, так как в определенных условиях они могут вступать в противоречие друг с другом. Это следует учитывать при принятии различных политических решений, касающихся дальнейших шагов России по углублению евразийской интеграции.

* * *

Подводя итоги проведенного исследования, следует подчеркнуть, что российская стратегия интеграции на постсоветском пространстве формировалась в весьма непростых условиях становления государственности и поиска своего места в системе международных отношений. Этим можно объяснить весьма скромные успехи и откровенные просчеты в реализации ее начального этапа.

Переосмысление характера этой стратегии, дополнение ее новыми элементами и подбор инструментария для ее осуществления также происходили в моменты смены политических ориентиров Российской Федерации и на фоне драматических процессов, наблюдавшихся в региональной и международной повестке дня. В этой связи отдельные элементы российской стратегии в Евразии подчас носили характер разнонаправленной политики поиска новых точек соприкосновения с соседними странами, разрешения разного рода противоречий, время от времени возникавших и сохраняющихся в отношениях с рядом соседей и внерегиональных игроков. В этой связи кристаллизация ключевых составляющих российской стратегии интеграции заняла весьма длительный срок.

1990-е годы заложили основные принципы и подходы современного российского политического истеблишмента к формированию многополярного мира, в котором Россия хотела бы занять одну из ведущих позиций. Этим можно объяснить активизацию интеграционных процессов в первые два десятилетия XXI в. Однако успехи на данном направлении появились далеко не сразу в связи с непростыми задачами по реформированию национальных экономик государств постсоветского пространства и унификации подходов к интеграционным процессам всех заинтересованных участников.

Действительно, нельзя не отметить, что экономическое измерение евразийской интеграции в последние годы демонстрирует заметную динамику, связанную с политикой углубления сотрудничества по линии ЕАЭС и ШОС, поиском развития взаимодействия в рамках китайской инициативы «Пояс и путь». Однако следует понимать, что на пути реализации российской стратегии все еще имеется целый ряд вызовов и препятствий, без устранения которых невозможно рассчитывать на ее успех в будущем.

Тем не менее, несмотря на существующие сложности, следует признать, что выбранный курс на углубление экономической интеграции в рамках евразийских институтов в целом позволяет установить широкий спектр горизонтальных и вертикальных экономических связей между странами — партнерами по ЕАЭС. Это вносит в существующую повестку дня целый комплекс возможностей для экономических субъектов при условии учета интересов всех участников евразийского рынка.

При этом выраженный конкурентный характер стратегии России по отношению к странам Запада, безусловно, формирует определенный конфликтный потенциал в регионе, который имеет тенденцию к усилению в последние годы. При отсутствии альтернативных под-

ходов и видений этот конфликт рискует стать не только источником сложностей для России и Запада, но и ингибитором интеграционных процессов внутри ЕАЭС.

Ключ к улучшению региональной политической ситуации, на наш взгляд, лежит в сближении позиций Брюсселя и Москвы при выстраивании отношений с независимыми странами, расположенными «между» Россией и ЕС, в соответствии с более гибкими стратегическими установками, которые будут строиться на принципах инклюзивности и диалога, насколько это возможно в складывающихся условиях. Ни один из состоявшихся региональных интеграционных проектов не был бы успешен, если бы развивался в ситуации нарастающего конфликтного потенциала в регионе.

Следует отметить, что дискуссия в западных политических и научных кругах на тему, как должна быть скорректирована политика стран ЕС и НАТО в отношении евразийского пространства, идет достаточно оживленно. В частности, наряду с позицией «ястребов», требующих поступательного расширения НАТО и сдерживания региональных амбиций Москвы³¹, все чаще высказываются альтернативные точки зрения, согласно которым Западу следует учитывать обеспокоенность России относительно игнорирования ее интересов в регионе, в первую очередь связанных с ее безопасностью³². Даже те аналитики, которые утверждают, будто новые ограничительные линии могут способствовать укреплению безопасности (вхождение в НАТО республик Северная Македония и Черногория), склоняются к тому, что принятие новых членов в альянс из числа государств бывшего соцлагеря было бы контрпродуктивно в настоящих условиях³³. О необходимости выстраивания нового формата отношений с Россией заговорили даже весьма влиятельные западные политики в лице Эммануэля Макрона.

---

³¹ Carafano J. Setting agenda for NATO at London and beyond // The National Interest. 09.10.2019. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/setting-agenda-nato-london-and-beyond-79186> (accessed: 20.03.2020).

³² Nixey J., Sakwa R. The Russia question: Sovereignty and legitimacy in post-Soviet Eurasia // Chatham House. 08.12.2016. Available at: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/russia-question-sovereignty-and-legitimacy-post-soviet-urasia> (accessed: 20.03.2020).

³³ Sweeney M. NATO expansion got some big things right // War on the Rocks. 07.03.2019. Available at: <https://warontherocks.com/2019/03/nato-expansion-got-some-big-things-right/> (accessed: 20.03.2020); Kupchan C. Is NATO getting too big to succeed? // The New York Times. 25.05.2017. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/05/25/opinion/nato-russia-donald-trump.html> (accessed: 20.03.2020).

Между тем, на наш взгляд, определенные коррективы в свою политику должно вносить и нынешнее руководство Российской Федерации. В пользу данного тезиса указывает целый ряд негативных факторов, воздействие которых испытывает на себе современная Россия в процессе реализации своей евразийской стратегии. В первую очередь это ее экономическая уязвимость, военное и технологическое отставание от Запада, которое в складывающихся неблагоприятных условиях может только нарастать. Как справедливо отмечает известный российский исследователь А.И. Подберезкин, «главная проблема и важнейшее опасное обстоятельство для России, непосредственно зависящее от правящей российской элиты и общества, заключается в том, что действующая стратегия и существующий базовый (инерционный) сценарий развития России очевидно и прямо противоречат ухудшающейся геополитической обстановке, угрожают национальным интересам России и сохранению ее идентичности, превращая страну в заложника непредсказуемого мирового экономического и военно-политического развития» [Подберезкин, 2018: 448]. Кроме того, есть мнение, что без налаженного тесного взаимодействия России и ЕС вообще невозможен полноценный успех российского проекта евразийской интеграции³⁴.

Существенный набор предложений и рекомендаций по пересмотру региональной архитектуры безопасности предлагается коллективом авторов в рамках двух вышедших в 2019 и 2020 гг. работ, посвященных исследованию альтернативных сложившемуся status quo подходов к решению накопившихся проблем в регионе Восточной Европы и Центральной Евразии [Выйти из «промежуточного положения», 2019; Пересмотр регионального порядка в постсоветской Европе и Евразии, 2020]. Во-первых, это предложение по выработке совместных подходов к роли «серединных государств» в перспективной системе региональной безопасности, включая возможный нейтральный статус ряда стран региона, ставших заложниками геополитического и геоэкономического противостояния между Россией и Западом. Во-вторых, это рекомендации по реализации «малых шагов», или «островов сотрудничества», которые будут иметь кумулятивный эффект на пути преодоления противоречий. К этим предложениям следует отнести и целый ряд возможностей,

---

³⁴Trenin D. Russia's evolving grand Eurasia strategy: Will it work? // Carnegie Moscow Center. 20.07.2017. Available at: <https://carnegie.ru/2017/07/20/russia-s-evolving-grand-eurasia-strategy-will-it-work-pub-71588><https://carnegie.ru/2017/07/20/russia-s-evolving-grand-eurasia-strategy-will-it-work-pub-71588> (accessed: 20.03.2020).

которые содержит в себе фактически отсутствующее сегодня прямое сотрудничество между ЕС и ЕАЭС, НАТО и ОДКБ, а также других возможностей в различных сферах политики и экономики.

Однако главным, на наш взгляд, препятствием на пути деэскалации конфликта является чрезвычайная политизированность (или даже «заидеологизированность») евразийской политики как в России, так и на Западе, которая мешает политическим элитам продвигаться по пути поиска компромиссов и принятия альтернативных стратегических векторов в данном регионе. Для преодоления этой ситуации необходимо отказаться от политизации разнонаправленных интеграционных проектов в Евразии. При этом стоит понимать, что отказ от идеологической составляющей стратегий весьма сложен, поскольку они формировались на протяжении длительного времени и включают целый ряд фундаментальных принципов, которые очень трудно подвергать пересмотру даже под серьезным давлением обстоятельств. Кроме того, контрпродуктивно занимать позицию, согласно которой вся вина полностью возлагается на одну из сторон (неважно, Запад это, Россия или любое другое государство в регионе). Следует признать, что в реализации своих стратегических планов стороны поступательно шли к сегодняшнему столкновению на протяжении последних двух десятилетий.

Очевидно, что и Россия, и страны НАТО и ЕС, и новые независимые государства на постсоветском пространстве существенно выиграют от корректировки своих стратегий в Евразии на фоне усложняющейся военно-политической обстановки в мире. От того, насколько быстро придет осознание необходимости этого, зависит будущее региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонов Ю.Г. Влияние Европейской политики соседства на политические режимы стран Восточного партнерства // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 10. С. 40–49.

2. Алексеев Д.С. Распад СССР и предпосылки формирования российских подходов к взаимодействию на постсоветском пространстве в начале 90-х годов XX в. // *Современные евразийские исследования*. 2018. № 3. С. 71–78.

3. Бабаджанов А.Я. Формирование диалогового пространства «НАТО — постсоветские государства» // *Вестник МГИМО-Университета*. 2011. № 6. С. 42–46.

4. Батюк В.И. Россия, США и «цветные революции» // *Вестник РУДН. Сер.: Политология*. 2006. № 8. С. 15–26.

5. Быков А.Н. Россия и СНГ в посткризисном мире // *Международная жизнь*. 2011. № 4. С. 86–98.
6. Винокуров Е.Ю. Евразийский экономический союз. М.: ЕАБР, 2017.
7. Восточное партнерство до и после Вильнюса / Под ред. А.А. Язьковой. М.: ИЕ РАН, 2014.
8. Выйти из «промежуточного положения». Представления о региональном порядке в постсоветской Европе и Евразии / Под ред. С. Чарапа, А. Демус, Д. Шапино. Вена: Фонд Фридриха Эберта, 2019.
9. Глазьев С.Ю., Чушкин В.И., Ткачук С.П. Европейский союз и Евразийское экономическое сообщество: сходство и различие процессов интеграционного строительства М.: Викор Медиа, 2013.
10. Густов В.А., Манько В.Х. Россия–СНГ: сотрудничество во имя развития и прогресса. М.: АВОК, 2007.
11. Ермаков С.М. Политика США и НАТО на постсоветском пространстве // *Проблемы национальной стратегии*. 2010. № 1 (2). С. 79–91.
12. Ефременко Д.В. Новый этап в развитии Шанхайской организации сотрудничества // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2019. № 24. С. 114–129. DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10006.
13. Иноземцев В. Национальные интересы России на постсоветском пространстве // *Россия и современный мир*. 2012. № 3 (86). С. 108–121.
14. Истомин И.А. Сравнительный анализ приоритетов российской внешней политики и научно-образовательного сообщества специалистов по международным отношениям // *Вестник РУДН*. 2018. Т. 18. № 1. С. 162–185. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-162-185.
15. Ли Син. Стратегия Китая и России в Шанхайской организации сотрудничества: сравнительный анализ // *Сравнительная политика*. 2017. № 2. С. 98–106. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-98-107.
16. Лузянин С. Цветные революции в центральноазиатской проекции: Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан // *Центральная Азия и Кавказ*. 2005. № 5 (41). С. 7–21.
17. Лузянин С.Г., Клименко А.Ф. Сотрудничество России и Китая в ШОС по реализации концепции Большого евразийского партнерства // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2019. № 24. С. 98–113. DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10005.
18. Майоров М.В. Миротворцы. Из опыта российской дипломатии в посредничестве. М.: Международные отношения, 2007.
19. Маркетти А. Европейская политика соседства — политическая консолидация с препятствиями // *Актуальные проблемы Европы*. 2010. № 2. С. 77–101.
20. Мацаберидзе М. «Революция роз» и страны Южного Кавказа // *Центральная Азия и Кавказ*. 2005. № 2. С. 7–15.
21. Мороз О. Ельцин против Горбачева, Горбачев против Ельцина. М.: Маска Пресс, 2013.

22. Пересмотр регионального порядка в постсоветской Европе и Евразии / Под ред. С. Чарапа, Д. Шапиро, Д. Дреннана, А. Чалого. Вена: Фонд Фридриха Эберта, 2020.

23. Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: Международные отношения, 2018.

24. Соловей В.Д. «Цветные революции» и Россия // Сравнительная политика. 2011. Т. 2. № 1 (3) С. 33–43. DOI: 10.18611/2221-3279-2011-2-1(3)-33-43.

25. Торкунов А.В. Перспективы евразийской экономической интеграции // Вестник МГИМО. 2013. № 4 (31). С. 9–11.

26. Цыплин В.Г. Модели участия России в интеграционном взаимодействии в рамках ЕАЭС в 2015 году // Современные евразийские исследования. 2014. № 2. С. 70–77.

27. Чуфрин Г. Евразийский интеграционный проект и стратегические интересы России // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 1. С. 9–20.

28. Юн С.М. Формирование концептуальных, организационных и финансовых основ Европейской политики соседства (2002–2004 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 117–121. DOI: 10.17223/15617793/374/25.

29. Acharya A. Constructing a security community in Southeast Asia: ASEAN and the problem of regional order. London, New York: Routledge, 2001.

30. Auer S. Carl Schmitt in the Kremlin: The Ukraine crisis and the return of geopolitics // International Affairs. 2015. Vol. 91. No. 5. P. 953–968.

31. Baev P. Russia's policies in the North and South Caucasus // Chaillot Papers. 2003. No. 65. Available at: <https://www.peacepalacelibrary.nl/ebooks/files/chai65e.pdf> (accessed: 20.02.2020).

32. Buzan B., Waever O. Regions and powers. The structure of international security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

33. Cadier D. Eastern Partnership vs Eurasian Union? The EU–Russia competition in the shared neighborhood and the Ukraine crisis // Global Policy. 2014. Vol. 5. Suppl. 1. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1111/1758-5899.12152> (accessed: 20.03.2020).

34. Globalism and the new regionalism. Vol. 1 / Ed. by B. Hettne, A. Inotai, O. Sunkel. London: Palgrave Macmillan, 1999.

35. Gorenburg D. Countering color revolutions. Russia's New security strategy and its implications for U.S. policy // PONARS Eurasia Policy Memo. 2014. No. 342. Available at: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/PePm342_Gorenburg_Sept2014.pdf (accessed: 20.09.2020).

36. Gretskiy I., Treshchenkov E., Golubev K. Russia's perceptions and misperceptions of the EU Eastern Partnership // Communist and Post-Communist Studies. 2014. No. 47 (3–4). P. 375–383. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2014.10.006.

37. Haas E.B. International integration: The European and universal process // International Organization. 1961. Vol. 15. No. 3. P. 377–379.

38. Herbst J. Assessing and addressing Russian revanchism // PRISM. 2016. Vol. 6. No. 2. P. 164–181.
39. Hettne B., Söderbaum F. The future of regionalism: Old divides, new frontiers // *Regionalization and the taming of globalization* / Ed. by A. Cooper, C. Hughes, P. Lombaerde de. London: Routledge, 2008. P. 61–79.
40. Kalinin K. Neo-Eurasianism and the Russian elite: The irrelevance of Aleksandr Dugin's geopolitics // *Post-Soviet Affairs*. 2019. Vol. 35. No. 5–6. P. 461–470. DOI: 10.1080/1060586X.2019.1663050.
41. Kaluzhnova Y., Lynch D. The Euro-Asian world. A period of transition. London: Palgrave Macmillan, 2000.
42. Katzenstein P. A world of regions: Asia and Europe in the American imperium. New York: Cornell University Press, 2005.
43. Krickovic A. Imperial nostalgia or prudent geopolitics? Russia's efforts to reintegrate the post-Soviet space in geopolitical perspective // *Post-Soviet Affairs*. 2014. Vol. 30. No. 6. P. 503–528. DOI: 10.1080/1060586X.2014.900975.
44. Legvold R. Managing the new Cold War // *Foreign Affairs*. 2014. No. 93 (4). Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2014-06-16/managing-newcoldwar> (accessed: 20.02.2020).
45. Lynch D. Managing separatist states. A Eurasian case study // *Institute for Security Studies — Western European Union. Occasional Paper No. 32*. November 2001. P. 14–20. Available at: <https://www.peacepalacelibrary.nl/ebooks/files/occ32.pdf> (accessed: 23.03.2020).
46. Mankoff J. Russian foreign policy: The return of great power politics. Lanham, Md: Rowman & Littlefield, 2009.
47. McFaul M., Stoner-Weiss K. The myth of the authoritarian model. How Putin's crackdown holds Russia back // *Foreign Affairs*. 2008. No. 87 (1). P. 68–84.
48. Mitrany D. The functional approach to world organization // *International Affairs*. 1948. Vol. 24. Iss. 3. P. 350–363.
49. Morozova N. Geopolitics, Eurasianism and Russian foreign policy under Putin // *Geopolitics*. 2009. Vol. 14. No. 4. P. 667–686. DOI: 10.1080/14650040903141349.
50. Nye J.S. Jr. Peace in parts: Integration and conflict in regional organization. Boston: Little, Brown, 1971.
51. Power, politics, and confrontation in Eurasia: Foreign policy in a contested region / Ed. by R.E. Kanet, M. Sussex. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.
52. Putin's grand strategy: The Eurasian Union and its discontent / Ed. by S.F. Starr, S.E. Cornell. Washington, D.C.: Johns Hopkins University & Stockholm Nacka; Institute for Security and Development Policy. 2014. Available at: <http://www.silkroadstudies.org/resources/1409GrandStrategy.pdf> (accessed: 10.09.2020).
53. Rumer E. The Primakov (not Gerasimov) doctrine in action. Carnegie Endowment for International Peace. 2019. Available at: https://carnegieendowment.org/files/Rumer_PrimakovDoctrine_finall.pdf (accessed: 12.03.2020).

54. Rumer E., Stent A. Russia and the West // *Survival*. 2009. Vol. 51. No. 2. P. 91–104.
55. Rynning S. NATO's futures: The Atlantic Alliance between power and purpose // NATO Defence College Research Paper. 2019. No. 2. Available at: http://nato-70.upt.pt/wp-content/uploads/2019/04/NATOs_futures_atlantic_alliance.pdf (accessed: 05.03.2020).
56. Söderbaum F. Comparative regional integration and regionalism // *The SAGE Book of Comparative Politics* / Ed. by T. Landman, N. Robinson. London: SAGE Publications, 2009. P. 477–496.
57. Sussex M. From retrenchment to revanchism... and back again? Russian grand strategy in the Eurasian 'heartland' // *Russia, Eurasia and the new geopolitics of energy* / Ed. by M. Sussex, R.E. Kanet. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 19–41.
58. Trenin D. Russia leaves the West // *Foreign Affairs*. 2006. Vol. 85. No. 4. P. 87–96.
59. Trenin D. Russia's relations with the CIS countries: Outlook for 2020. Carnegie Moscow Center. 2013. Available at: <https://carnegie.ru/2013/03/28/russia-s-relations-with-cis-countries-outlook-for-2020-pub-51395> (accessed: 12.03.2020).
60. Trenin D. Russia's spheres of interest, not influence // *The Washington Quarterly*. 2009. Vol. 32. No. 4. P. 3–22. Available at: <https://carnegie.ru/2009/09/22/russia-s-spheres-of-interest-not-influence-pub-23863> (accessed: 20.03.2020).
61. Tsygankov A. The heartland no more: Russia's weakness and Eurasia's meltdown // *Journal of Eurasian Studies*. 2012. No. 3. P. 1–9.

D.S. Alekseev

**RUSSIAN STRATEGY FOR EURASIAN INTEGRATION:
KEY ELEMENTS, DETERMINANTS
AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT**

*Saratov State University
83 Astrakhanskaya str., Saratov, 410012*

Eurasia is gradually turning into the point of intersection of various long-term political and economic initiatives undertaken by the leading actors of contemporary international relations, including the Russian Federation, the European Union, the United States and the People's Republic of China. This trend compounded by a complicated dynamics of integration and disintegration processes in the post-Soviet states further exacerbates tensions in the region, already fraught with conflict. It also poses additional obstacles to

the projects of Eurasian integration, promoted by the Russian Federation. In order to provide a better understanding of the specificities and prospects of Russia's initiatives, the paper examines the origins and the evolution of the Russian strategy of Eurasian integration, and identifies its key elements.

The author concludes that fundamental principles of the Russian strategy for reshaping the post-Soviet states have been laid down during the presidency of B.N. Yeltsin and were merely adjusted to meet certain political, social and economic changes both in Russia and abroad. These principles include: 1) commitment to the idea of a multipolar world; 2) creation of supranational Eurasian economic institutions to multiply the economic potential of member-states; 3) prevention of a change of political regimes in neighboring countries if they can bring to power anti-Russian groups; 4) establishment of closer links with China, especially on political, economic and security issues; 5) formation of a new center of political gravity in Eurasia through expanding the capacities of regional political and military organizations which would complement integration processes and ensure regional security. The paper shows that amid growing international tensions in the second half of 2010s the Russian integration initiatives have become increasingly focused on geostrategic, political and military issues.

In that regard, the author concludes that, although the development of the Eurasian integration projects enables a wide range of horizontal and vertical economic linkages between the Eurasian Economic Union (EAEU) member-states, overtly competitive nature of both the Russian and the Western states' strategies increases the conflict potential of the region. In the absence of alternative approaches, this conflict could not only become a potential source of new tensions between Russia and the West, but also threatens to reverse the current integration processes within the EAEU. The author emphasizes that the abandonment of excessively politicized and ideologized policies both in Russia and in the Western states, which prevents political elites from finding compromises and developing alternative approaches, is the only way to improve the situation in the Eurasian region.

Keywords: Eurasia, Russia's foreign policy, regional integration, NATO, the European Union, the Eurasian Economic Union, EAEU, regional security, post-Soviet states, integration theory, E.M. Primakov.

About the author: *Denis S. Alekseev* — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Relations and Russian Foreign Policy, Saratov State University (e-mail: alexeyevds@gmail.com).

REFERENCES

1. Agafonov Yu.G. 2015. Vliyanie Evropeiskoi politiki sosedstva na politicheskie rezhimy stran Vostochnogo partnyorstva [European Neighborhood

policy's impact on political regimes of Eastern Partnership countries]. *World Economy and International Relations*, no. 10, pp. 40–49. (In Russ.)

2. Alekseev D.S. 2018. Raspad SSSR i predposylki formirovaniya rossiyskikh podkhodov k vzaimodeistviyu na postsovetском prostranstve v 90-e gody XX v. [The collapse of the USSR and the sources of formation of Russia's attitudes toward the international cooperation on the post-Soviet space during the 90s]. *Sovremennye evraziiskie issledovaniya*, no. 3, pp.71–78. (In Russ.)

3. Babadzhanov A.Ya. 2011. Formirovanie dialogovogo prostranstva 'NATO — postsovetские gosudarstva' [Cooperation between NATO and former USSR states]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 6, pp. 42–46. (In Russ.)

4. Batyuk V.I. 2006. Rossiya, SShA i 'tsvetnye revolyutsii' [Russia, USA, and the 'color revolutions']. *RUDN Journal of Political Science*, no. 8, pp. 15–26. (In Russ.)

5. Bykov A.N. 2011. Rossiya i SNG v postkrizisnom mire [Russia and the CIS in the post-crisis world]. *International Affairs*, no. 4, pp. 86–98. (In Russ.)

6. Vinokurov E.Yu. 2017. *Evraziiskii ekonomicheskii soyuz* [The Eurasian Economic Union]. Moscow, EABR Publ. (In Russ.)

7. Yaz'kova A.A. (ed.). 2014. *Vostochnoe partnerstvo do i posle Vil'nyusa* [Eastern Partnership before and after Vilnius]. Moscow, IE RAN Publ. (In Russ.)

8. Charap S., Demus A., Shapiro D. (eds.). 2019. *Getting out from in-between: Perspectives on the regional order in post-Soviet Europe and Eurasia*. Vienna, FES Regional Office for Cooperation and Peace in Europe [Russ. ed.: Charap S., Demus A., Shapiro D. (eds.). 2019. Vyiti iz 'promezhutochnogo polozheniya'. Predstavleniya o regional'nom poryadke v postsovetской Evrope i Evrazii. Vena, Fond Fridrikha Eberta].

9. Glaz'ev S.Yu., Chushkin V.I., Tkachuk S.P. 2013. *Evropeiskii soyuz i Evraziiskoe ekonomicheskoe soobshchestvo: skhodstvo i razlichie protsessov integratsionnogo stroitelstva* [The European Union and Eurasian Economic Community: Differences and similarities of integration development]. Moscow, Viktor-Media Publ. (In Russ.)

10. Gustov V.A., Man'ko V.Kh. 2007. *Rossiya–SNG: sotrudnichestvo vo imya razvitiya i progressa* [Russia and the CIS: Cooperation for progress and development]. Moscow, AVOK Publ. (In Russ.)

11. Ermakov S.M. 2010. Politika SShA i NATO na postsovetском prostranstve [The US and NATO policy in the post-Soviet area]. *Problemy natsionalnoi strategii*, no. 1 (2), pp. 79–91. (In Russ.)

12. Efremenko D.V. 2019. Novyi etap v razvitiі Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva [New stage in the development of the Shanghai Cooperation Organization]. *Kitai v mirovoi i regionalnoi politike. Istoriya i sovremennost'*, no. 24, pp. 114–129. DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10006. (In Russ.)

13. Inozemtsev V. 2012. Natsionalnye interesy Rossii na postsovetском prostranstve [Russian national interests in the post-Soviet space]. *Rossiya i sovremennii mir*, no. 3 (86), pp. 108–121. (In Russ.)

14. Istomin I.A. 2018. Sravnitelnyi analiz prioritetov rossiiskoi vneshnei politiki i nauchno-obrazovatelno go soobshchestva spetsialistov po mezhdunarodnym otnosheniyam [Comparative analysis of the Russian foreign policy priorities and research interests of the national academic community]. *Vestnik RUDN*, vol. 18, no. 1, pp. 162–185. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-162-185. (In Russ.)
15. Li Sin. 2017. Strategiya Kitaya i Rossii v Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva: sravnitelnyi analiz [The Chinese and Russian strategies in the Shanghai Cooperation Organization: Comparative analysis]. *Sravnitel'naya politika*, no. 2, pp. 98–106. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-98-107. (In Russ.)
16. Luzyanin S. 2005. Tsvetnye revolyutsii v tsentralnoaziatskoi proektsii: Kyrgyzstan, Kazakhstan, Uzbekistan [Color revolutions in the Central Asian context: Kyrgyzstan, Uzbekistan, Kazakhstan]. *Tsentral'naya Azia i Kavkaz*, vol. 41, no. 5. pp. 7–21. (In Russ.)
17. Luzyanin S.G., Klimenko A.F. 2019. Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v ShOS po realizatsii kontseptsii Bolshogo evraziiskogo partnerstva [Russian-Chinese cooperation in the SCO on the implementation of the greater Eurasian partnership concept]. *Kitai v mirovoi i regionalnoi politike. Istoriya i sovremennost'*, no. 24, pp. 98–113. DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10005. (In Russ.)
18. Mayorov M.V. 2007. *Mirotvortsy. Iz opyta rossiyskoi diplomatii v posrednichestve* [The peacekeepers. Russian experience in mediation diplomacy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)
19. Marketti A. 2010. Evropeiskaya politika sosedstva — politicheskaya konsolidatsiya s prepyatstviyami [European Neighborhood Policy — political consolidation accompanied by the obstacles]. *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 2, pp. 77–101. (In Russ.)
20. Matsaberidze M. 2005. 'Revolyutsiya roz' i strany Yuzhnogo Kavkaza [The Rose revolution and the South Caucasus countries]. *Central Asia and Caucasus*, no. 2, pp. 7–15. (In Russ.)
21. Moroz O. 2013. *Yeltsin protiv Gorbacheva, Gorbachev protiv Yeltsina* [Yeltsin vs. Gorbachev, Gorbachev vs. Yeltsin]. Moscow, Maska Press Publ. (In Russ.)
22. Charap S., Shapiro D., Drennan D., Chalyi A. (eds.). 2019. *A consensus proposal for a revised regional order in post-Soviet Europe and Eurasia*. RAND [Russ. ed.: Charap S., Shapiro D., Drennan D., Chalyi A. (eds.). 2020. Peresmotr regional'nogo poryadka v postsovetskoi Evrope i Evrazii. Vena, Fond Fridrikha Eberta].
23. Podberezkin A.I. 2018. *Sostoyanie i dolgosrochnye voenno-politicheskie perspektivy razvitiya Rossii v XXI veke* [Status and long-term military and political prospects for Russia's development in the 21st century.]. Moscow, International Relations Publ. (In Russ.)
24. Solovei V.D. 2011. 'Tsvetnye revolyutsii' i Rossiya [Color revolutions and Russia]. *Sravnitel'naya politika*, vol. 2, no. 1 (3), pp. 33–43. DOI: 10.18611/2221-3279-2011-2-1(3)-33-43. (In Russ.)

25. Torkunov A.V. 2013. Perspektivy evraziiskoi ekonomicheskoi integratsii [The prospects of Eurasian economic integration]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 4 (31), pp. 9–11. (In Russ.)
26. Tsyplin V.G. 2014. Modeli uchastiya Rossii v integratsionnom vzaimodeistvii v ramkakh EAES v 2015 godu [Models of Russian participation in EAEU integration process in 2015]. *Sovremennye evraziiskie issledovaniya*, no. 2, pp. 70–77. (In Russ.)
27. Chufrin G. 2017. Evraziiskii integratsionnyi proekt i strategicheskie interesy Rossii [Eurasian integration project and strategic interests of Russia]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, no. 1, pp. 9–20. (In Russ.)
28. Yun S.M. 2013. Formirovanie kontseptualnykh, organizatsionnykh i finansovykh osnov Evropeiskoi politiki sosledstva (2002–2004) [Building the conceptual, institutional and financial framework of the European Neighborhood Policy during the period of 2002–2004]. *Tomsk University Review*, no. 374, pp. 117–121. DOI: 10.17223/15617793/374/25. (In Russ.)
29. Acharya A. 2001. *Constructing a security community in Southeast Asia: ASEAN and the problem of regional order*. London, New York, Routledge.
30. Auer S. 2015. Carl Schmitt in the Kremlin: The Ukraine crisis and the return of geopolitics. *International Affairs*, vol. 91, no. 5, pp. 953–968.
31. Baev P. 2003. Russia's policies in the North and South Caucasus. *Chailot Papers*, no. 65. Available at <https://www.peacepalacelibrary.nl/ebooks/files/chai65e.pdf> (accessed: 20.02.2020).
32. Buzan B., Waever O. 2003. *Regions and powers. The structure of international security*. Cambridge, Cambridge University Press.
33. Cadier D. 2014. Eastern Partnership vs Eurasian Union? The EU–Russia competition in the shared neighborhood and the Ukraine crisis. *Global Policy*, vol. 5, suppl. 1. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1111/1758-5899.12152> (accessed 20.03.2020).
34. Hettne B., Inotai A., Sunkel O. (eds.). 1999. *Globalism and the new regionalism*. Vol. 1. London, Palgrave Macmillan.
35. Gorenburg D. 2014. Countering color revolutions Russia's new security strategy and its implications for U.S. policy. *PONARS Eurasia Policy Memo*, no. 342. Available at: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepm342_Gorenburg_Sept2014.pdf (accessed: 20.09.2020).
36. Gretskiy I., Treshchenkov E., Golubev K. 2014. Russia's perceptions and misperceptions of the EU Eastern Partnership. *Communist and Post-Communist Studies*, no. 47 (3–4), pp. 375–383. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2014.10.006.
37. Haas E.B. 1961. International integration: The European and universal process. *International Organization*, vol. 15, no. 3, pp. 377–379.
38. Herbst J. 2016. Assessing and addressing Russian revanchism. *PRISM*, vol. 6, no. 2, pp. 164–181.
39. Hettne B., Söderbaum F. 2008. The future of regionalism: Old divides, new frontiers. In Cooper A., Hughes C., de Lombaerde P. (eds.). *Regionalization and the taming of globalization*. London, Routledge, pp. 61–79.

40. Kalinin K. 2019. Neo-Eurasianism and the Russian elite: The irrelevance of Aleksandr Dugin's geopolitics. *Post-Soviet Affairs*, vol. 35, no. 5–6, pp. 461–470. DOI: 10.1080/1060586X.2019.1663050.

41. Kaluzhnova Y., Lynch D. 2000. *The Euro-Asian world. A period of transition*. London, Palgrave Macmillan.

42. Katzenstein P. 2005. *A world of regions: Asia and Europe in the American imperium*. New York, Cornell University Press.

43. Krickovic A. 2014. Imperial nostalgia or prudent geopolitics? Russia's efforts to reintegrate the post-Soviet space in geopolitical perspective. *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no. 6, pp. 503–528. DOI: 10.1080/1060586X.2014.900975.

44. Legvold R. 2014. Managing the new Cold War. *Foreign Affairs*, no. 93 (4). Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2014-06-16/managing-newcoldwar> (accessed: 20.02.2020).

45. Lynch D. 2001. Managing separatist states. A Eurasian case study. *Institute for Security Studies — Western European Union*, Occasional Paper no. 32. November, pp. 14–20. Available at: <https://www.peacepalacelibrary.nl/ebooks/files/occ32.pdf> (accessed: 23.03.2020).

46. Mankoff J. 2009. *Russian foreign policy: The return of great power politics*. Lanham, Rowman & Littlefield.

47. McFaul M., Stoner-Weiss K. 2008. The myth of the authoritarian model. How Putin's crackdown holds Russia back. *Foreign Affairs*, no. 87 (1), pp. 68–84.

48. Mitrany D. 1948. The functional approach to world organization. *International Affairs*, vol. 24, iss. 3, pp. 350–363.

49. Morozova N. 2009. Geopolitics, Eurasianism and Russian foreign policy under Putin. *Geopolitics*, vol. 14, no. 4, pp. 667–686. DOI: 10.1080/14650040903141349.

50. Nye J.S. Jr. 1971. *Peace in parts: Integration and conflict in regional organization*. Boston, Little, Brown.

51. Kanet R.E., Sussex M. (eds.). 2015. *Power, politics and confrontation in Eurasia: Foreign policy in a contested region*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.

52. Starr S.F., Cornell S.E. (eds.). 2014. *Putin's grand strategy: The Eurasian Union and its discontent*. Washington, D.C., Johns Hopkins University & Stockholm Nacka, Institute for Security and Development Policy. Available at: <http://www.silkroadstudies.org/resources/1409GrandStrategy.pdf> (accessed: 10.09.2020).

53. Rumer E. 2019. *The Primakov (not Gerasimov) doctrine in action*. Carnegie Endowment for International Peace. Available at: https://carnegiendowment.org/files/Rumer_PrimakovDoctrine_final1.pdf (accessed: 12.03.2020).

54. Rumer E., Stent A. Russia and the West. *Survival*, vol. 51, no. 2, pp. 91–104.

55. Rynning S. 2019. NATO's futures: The Atlantic Alliance between power and purpose. *NATO Defence College Research Paper*, no. 2. Available at: http://nato-70.upt.pt/wp-content/uploads/2019/04/NATOs_futures_atlantic_alliance.pdf (accessed: 05.03.2020).

56. Söderbaum F. 2009. Comparative regional integration and regionalism. In Landman T., Robinson N. (eds.). *The SAGE book of comparative politics*. London, SAGE Publications, pp. 477–496.

57. Sussex M. 2015. From retrenchment to revanchism... and back again? Russian grand strategy in the Eurasian 'heartland'. In Sussex M., Kanet R.E. (eds.). *Russia, Eurasia, and the new geopolitics of energy*. London, Palgrave Macmillan, pp. 19–41.

58. Trenin D. 2006. Russia leaves the West. *Foreign Affairs*, vol. 85, no. 4, pp. 87–96.

59. Trenin D. 2013. *Russia's relations with the CIS countries: Outlook for 2020*. Carnegie Moscow Center. Available at: <https://carnegie.ru/2013/03/28/russia-s-relations-with-cis-countries-outlook-for-2020-pub-51395> (accessed: 12.03.2020).

60. Trenin D. 2009. Russia's spheres of interest, not influence. *The Washington Quarterly*, vol. 32, no. 4, pp. 3–22. Available at: <https://carnegie.ru/2009/09/22/russia-s-spheres-of-interest-not-influence-pub-23863> (accessed: 20.03.2020).

61. Tsygankov A. 2012. The heartland no more: Russia's weakness and Eurasia's meltdown. *Journal of Eurasian Studies*, no. 3, pp. 1–9.